

## Мистическія настроенія въ литературѣ иностранной и у насъ.

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Міръ Божій", Спб., 1908

[OCR Бычков М. Н.](#)

Одно изъ лучшихъ произведеній Ибсена, "Привидѣнія", заканчивается потрясающей сценой, написанной съ поразительной силой. Герой драмы, надломленный потомокъ цѣлаго поколѣнія много грѣшившихъ отцовъ, гибнетъ жертвой наслѣдственности. Подавленный медленно охватывавшей его болѣзнью, онъ сходитъ съ ума и монотонно повторяетъ одни и тѣ же слова, обращенныя къ матери:

"-- Мама, дай мнѣ солнце... солнце... солнце..."

Этотъ несчастный больной намъ представляется символомъ души современнаго человѣка, какъ она отразилась въ литературѣ. Такое сравненіе невольно навертывается при чтеніи "Обзора иностранныхъ литературъ", помѣщеннаго въ декабрьской книгѣ нашего журнала. Тамъ есть одна черта, останавливающая вниманіе читателя,-- черта, красной нитью проходящая черезъ весь "Обзоръ" не смотря на разнообразіе лицъ, въ немъ участвовавшихъ, различныхъ по національностямъ, возрастамъ, темпераментамъ и направленіямъ. Но всѣ они, одни больше, другіе меньше, подчеркиваютъ ее, и такое единодушіе -- "безъ предварительнаго сговора" -- само по себѣ представляется знаменательнымъ явленіемъ.

"Послѣ господства реализма, крайнія проявленія котораго никогда не встрѣчали симпатіи въ Швеціи, явилось въ видѣ реакціи стремленіе къ романтизму и символизму" пишетъ шведъ, перечисляя рядъ авторовъ, "по складу своего ума несклонныхъ къ этому направленію", но "слѣпо подчиняющихся господствующей модѣ". Бринкманнъ, обозрѣватель норвежской литературы, отличавшейся прежде простотой и реализмомъ, граничившимъ нерѣдко съ натурализмомъ довольно подозрительнаго свойства, отмѣчаетъ рѣзкую перемѣну къ направленію Арне Гарборга, замѣчательнаго писателя, автора нѣсколькихъ натуралистическихъ романовъ, сдѣлавшагося внезапно пессимистомъ, затѣмъ піэтистомъ и кончившаго "мрачнымъ мистицизмомъ". "Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,-- продолжаетъ Бринкманнъ,-- въ Норвегіи почти никто не писалъ стиховъ, а теперь она насчитываетъ десятки поэтовъ самыхъ разнообразныхъ направленій", среди которыхъ онъ указываетъ нѣсколькихъ, "проникнутыхъ страннымъ романтизмомъ", силящихся передать читателю "свое мистическое настроеніе". Ибсенъ обозрѣвая литературу Даніи, почти буквально повторяетъ Бринкманна: "Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стихи считались въ Даніи болѣе низкой формой, чѣмъ проза, и неудобнымъ способомъ выраженія чувствъ; теперь это мнѣніе оставлено, и многіе молодые писатели съ успѣхомъ занимаются стихотворствомъ. Въ романѣ господствовалъ чистый реализмъ, идеи и все сколько-нибудь абстрактное строго отрицалось,-- теперь мы замѣчаемъ въ немъ тенденцію къ символизму и неопредѣленному мистицизму."

Могутъ замѣтить, что Швеція, Норвегія и Данія -- родственныя страны, чѣмъ отчасти и объясняется тождественность настроеній. Но вотъ обозрѣватель Италіи подчеркиваетъ "меланхоличное настроеніе у всѣхъ современныхъ поэтовъ", темноту и вычурность формы у двухъ наиболѣе прославленныхъ изъ нихъ -- Пасколи и Кардучи -- и болѣзненную манерность у самаго моднаго современнаго романиста д'Аннунціо. Про Францію мы не говоримъ: шумъ поднимаемый тамъ символистами, отдается даже у насъ на подмосткахъ столичной сцены, какъ было, напр., во время представленія "Тайны души" Метерлинка. Какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, авторъ французскаго обзора отмѣчаетъ "Lee pleureuses" (Плакальщицы) Генри Барбюсса,-- "рядъ стихотвореній, составляющихъ одну длинную поэму, воспѣвающую сладость траура и тѣни, уединенія и печали". Въ Германіи Робертъ Цимерманнъ приводитъ "образчики поэзіи въ новѣйшемъ вкусѣ", произведеніе "Садъ познанія" Леопольда Адриана, "несомнѣннаго имарессіониста", и жалуется на необузданность фантазіи нѣмецкихъ декадентовъ.

Если къ этому обзору прибавимъ кучу нелѣпостей нашего доморощеннаго декадентства, рѣзко проявившагося въ русской литературѣ за истекшія годъ, то картина получится довольно полная и внушительная. Получается яркая черта въ настроеніи современнаго общества, какъ западнаго, такъ и нашего, хотя у насъ она слабѣе,-- быть можетъ, потому, что и литература у насъ меньше отражаетъ въ себѣ настроенія вообще. Во всякомъ случаѣ, говоритъ о подражательности и позаимствованіи и только